

Б. З. МОЛЧАНОВ.

«Эти пьесы похожи на рассаду, заранее не знаешь, какие у них будут ветви и корни; даже иногда садишь как будто яблоню, а вырастает груша...»

Назым Хикмет.

Семейный музей

...Мы беседуем долго, уже не один час. Борис Захарович рассказывает об отце, рассказывает увлеченно, с какой-то особенной сердечностью. В его руках мелькают пожелтевшие от времени фотографии, театральные программки, поздравительные адреса.

— Словом, отец мой отдал театру жизнь. Начинать на дореволюционной сцене, в годы Октября и гражданской войны руководил театральными бригадами. — Борис Захарович бережно раскрывает небольшое пурпурное удостоверение. — За шефскую работу в воинских частях отцу присвоили звание почетного красноармейца.

— Не подумайте, что я показываю этот «семейный музей» ради хвастовства. Просто хочу, чтобы лучше поняли обыденную фразу, которую так часто повторяют многие: «О своей теперешней профессии мечтал с детских лет».

Сколько нервов, помнится, перепортил отцу и матери. Родители даже мысли не допускали, что я когда-нибудь стану актером-профессионалом. После окончания школы уговорили пойти в механический техникум, потом в медицинский, потом... закончил, одним словом, музыкальный, в Сумах. С той поры и началась моя собственная театральная карьера. Играл в Одессе, Туле, Баку... В 1939 году пригласили в Свердловский драмтеатр. Каждый сезон пополнял фотографиями и программами, вырезками газетных и журнальных рецензий уже мой, собственный архив. Накапилось «экспона-

тов», сами видите, много. Только в одном Свердловском театре сыграл около семидесяти ролей...

Семьдесят непохожих

Семьдесят ролей. Это не только семьдесят персонажей из семидесяти различных пьес. Это семьдесят каждый раз одинаково ответственных и мучительных, радостных и страшных встреч со строгим судьей — зрителем, от которого услышишь, пусть иной раз резкий, но всегда откровенный и справедливый приговор.

Успехов было больше, много больше. Сколько? Вряд ли в данном случае нужна бухгалтерская точность. Главное в другом. Даже, когда артист ошибался, когда его критиковали, — среди самых резких замечаний никогда не раздавался упрек: такой-то образ чем-то перекликается с ранее созданным. Семьдесят ролей Молчанова — это семьдесят не похожих друг на друга людей, оживленных одним человеком.

Уже сам по себе этот факт говорит о многом. Но мало не повторять себя.

В семейном архиве Бориса Захаровича есть один небольшой снимок. Возле письменного стола с телефонной трубкой в руке сидит мужчина. Добрая улыбка, знакомые глаза, знакомые усики... На обороте фотографии надпись: «Эти пьесы не похожи друг на друга, заранее не знаешь...» Помните с этого эпиграфа начинается наш рассказ.

Хикмет имеет в виду пьесы. Конечно, ведь он писатель. Но его слова можно полностью отнести и к актерской профессии, где иной раз «садишь яблоню, а вырастает груша». Создание сценического образа требует не меньшей трудоемкости, чем выведение новых сортов растений. Тут тоже надо уметь наблюдать, отбирать, обобщать, выделяя главное, характерное, отбрасывая мелкое, второстепенное. Шаг за шагом, словно из мозаичных кусочков лепится большая картина, из отдельных жизненных наблюдений рождается у актера сценический образ. При этом, как и у художника, у артиста есть свой индивидуальный почерк, своя манера «писывать».

Творческие портреты

В неустанных поисках

Его почерк

Творческие устремления Б. З. Молчанова исключительно широки. Элегантный Вронский в «Анне Карениной», и иступленный фанатик-схимник в «Великом государе», обаятельный Валько в «Молодой гвардии» и истеричный Низеласов в «Бронепоезде 14-69», пламенный и пылкий Дон Мануэль в «Даме-невидимке» и медлительный лицемерный Великатов в «Талантах и поклонниках», опустошенный Скроботов во «Врагах» и величественный Антоний в «Антонии и Клеопатре»...

Таких, казалось бы, диаметрально противоположных по характеру ролей в творческой биографии артиста десятки, точнее весь его репертуар состоит из них. Между тем, если вдуматься в этот список, то замечаешь одну особенность. В подавляющем большинстве случаев артиста влечет драматургия высокого строя, острых, внутренних столкновений и конфликтов, полная горячий романтики, или злой убийственной сатиры.

Из общего числа ролей резко выделяются три группы, три линии, как говорит сам актер, — шекспировская, горьковская и линия Островского.

Шекспировская линия — это не только пьесы великого английского драматурга, это драматургия эпохи Возрождения. Участие в этих пьесах — серьезный экзамен для актера, проверка его идейной и художественной зрелости, чисто профессиональной подготовки — умения владеть речью, жестом и т. д.

Из ролей «шекспировской» линии положительно оценить зрителей и критики получили Теодоро («Собака на сене»), Бенедикт («Много шума из ничего») Петруччио («Укрощение строптивой»). Наибольший успех выпал на долю образа Петруччио. «Думается, что Б. Молчанов — один из лучших в наши дни исполнителей этой великолепной шекспировской роли», — писал анализируя спектакль свердловчан журнал «Театр».

Здесь нет преувеличения. Трактровка роли Петруччио, предложенная актером, продолжает замечательные традиции русского и советского театров в их работе над наследием гениального английского классика. В Петруччио легко сыграть просто грубияна, властного, неотесанного, жадного и при

ключений. Легко и неверно. Известный русский актер А. П. Ленский и крупный советский режиссер А. Д. Попов по-иному прочли текст комедии «Укрощение строптивой».

Во взаимоотношениях главных героев — Катарины и Петруччио подчеркивалось «взаимоукрощение» двух сильных характеров. По этому пути пошел в создании образа и Б. Молчанов. Он делает основополагающим в поведении своего героя — жажду к борьбе. Ум, мужество, жизнерадостность, вечное беспокойство Петруччио — Молчанова — вот что пленит и покоряет в конце концов Катарины. Любовь Катарины в свою очередь, укрощает буйного Петруччио, обогашает его, делает выше, лучше, чище, сильнее.

Стремлением к углубленному и выпуклому изображению внутреннего мира своих героев отличаются работы актера в пьесах Горького «Варвары», «Враги», «Сомов и другие». Своеобразен подход артиста к драматургии образов Черкуна, Скроботова, Сомова. Черкун, Скроботов и Сомов для Молчанова как бы три ступени в развитии одного типа людей — режиссерной части русской интеллигенции. Внешне деловитые и жизнедеятельные, а внутренне опустошенные и растленные черкуны превращались со временем в полных негодяев, ненавидящих революцию скроботовых и потом в отъявленных врагов Советской власти — сомовых.

Меткими, многогранными штрихами подчеркивает Молчанов разницу характеров в горьковских персонажах. В каждом из них он находит свое «чересчур». Черкун — чересчур показывает свою активность и протестный нрав; Скроботов чересчур пытается казаться бесстрастным и старательным в соблюдении буквы закона; Сомов чересчур скромен и сдержан, он как бы в вог до головы закутался в броню своего костюма, даже глаза прикрыты пенсне, чтобы никто не увидел их настоящего выражения. Эти «чересчур» заставляют внимательнее присматриваться к изображаемым персонажам, помогают со временем раскусить их истинное содержание, заглянуть под надетые маски.

В сущности по этому же принципу — принципу противопоставления внешнего и внутреннего сыграны Б. З. Молчановым роли в пьесах Островского «Таланты и поклонники», «Последняя жертва» и др. За благородством Великатова и привлекательной наружностью Вадима Дульчина нет-нет

да и проглянет сластолюбивый чистосердечный или опустошенный прожигатель жизни.

Работа актера над образами классической драматургии разнообразит творческую палитру актера. И в советском репертуаре он — мастер смелого, правдивого, точного и верного рисунка. Средствами актерского мастерства он не раз восполнял пробелы драматургического материала. Показателен в этом отношении случай с ролью парторга Егорушкина в пьесе А. Салынского «Дорога первых». Автор, если не поскупился, то, во всяком случае и не оказался щедрым по отношению к образу партийного руководителя. Егорушкин не всегда наделен броскими индивидуальными чертами, в которых бы ярко раскрывались типические черты характера советского человека. И все-таки Молчанов сумел оживить роль. Его Егорушкин обаятелен, исключительно внимателен к людям. Даже манера говорить у него особенная, какая-то очень человеческая. Парторг Егорушкин не читает нотаций, а убеждает, убеждает и убеждает. В этом главная привлекательность образа. «Молчанов — писал в «Правде» Б. Полевой — создал глубоко человеческий образ партийного интеллигента, являющегося душой рудника».

В современном советском репертуаре Молчанов показал себя талантливым исполнителем сатирических ролей. Средствами гротеска, превращения изобличает он пустынного Ленского в «Раках». А рядом другой образ, не меньшей обличительной силы — Полудин в «Персональном деле» Штейна. Если в Ленском пресловутые аксессуары стилизируют — начиная от узких брюк и фальшивого перстня, и кончая длинноволосяной прической, — сразу дают понять, с кем имеешь дело, то Полудин показан актером в другом плане, игре актера ни одного «опознавательного знака» негодяя, готового уничтожить кого угодно ради своих шкурных интересов, отмечала московская критика. Только тогда, когда Полудин — Молчанов остается один, лицо его меняет выражение — оно будто отдышало от маски. Острота замысла актера в том, чтобы сделать Полудина похожим на честного и порядочного человека, «обмануть» зрителя, как обманывают нас в жизни полудины».

Менее повезло в современном репертуаре Б. З. Молчанову с положительными персонажами. Хотя за последние годы актер принимал участие в ряде постановок («Молодая гвардия», «На той стороне», «Чужак» и др.), сыграть то, чего так хочется — не удается.

— Я мечтаю, — говорит Борис Захаро-

вич, — воссоздать на сцене героическую судьбу нашего советского человека, в острых, больших конфликтах показать величие его характера, высоту помислов, красоту чувств. Хотелось бы сыграть роль в советской драме, в советской героической трагедии... И чем скорее сбывается моя мечта, тем большей будет моя творческая радость.

За стенами театра

Зрители нашего и других городов страны знакомы с Молчановым не только как с драматическим актером. Товарищам по искусству он известен как деятельный председатель Свердловского отделения Всесоюзного театрального общества. А кто не знает Молчанова — артиста эстрады и филармонии, где он читал гневный монолог Эгмонта, поэтические строки музыкально-драматической композиции Грига-Ибсена «Пер Гюнт». Сатирические сценки, скетчи, исполняемые в эстрадных «концертах», выступления по радио, телевидению... В общем, снова работа, работа и творческие поиски. Они длятся иной раз месяцами, уже на спектаклях, когда пьеса прошла десятки раз.

— Вот и сейчас играю Антония, — рассказывает Борис Захарович. — Нравится мне роль, и тем же менее сделанным не удовлетворен. От спектакля к спектаклю нахожу то один, то другой штрих, понимаю вдруг исключительно ясно ту или иную фразу, тот или иной эпизод.

Слушаешь эти слова и вспоминаешь о не-большом газетном сообщении, где говорилось, что во Всесоюзном фестивале театральных коллективов Свердловский драматический театр за спектакль «Антоний и Клеопатра» был отмечен дипломом. Среди исполнителей отмеченных жюри конкурса, и заслуженный артист республики Б. З. Молчанов. Казалось бы, работа в трагедии Шекспира получила положительную оценку можно было бы успокоиться. Однако искусство немислимо без поисков, оно дается только тем, кто ищет. К числу таких людей относится и Молчанов. Сколько бы ни была сыграна роль, как бы высока ни была она оценена зрителем, поиски продолжают.

Л. МАКОВКИН.

УРАЛЬСКИЙ РАБОЧИЙ

21 января 1958 г.

3 стр